
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7:39 (470.6)

ББК 60.545.1 (235.7)

А 94

Т.И. Афасижев,

доктор социологических наук, профессор Адыгейского государственного университета, E-mail: afasizhev@list.ru

М.А. Шенкао,

доктор философских наук, профессор Карачаево-Черкесской государственной технологической академии, тел. 8-928-926-06-48, E-mail: leo1239@yandex.ru

Социокультурные императивы адыго-абхазского и абазинского застольного этикета

(Рецензирована)

Аннотация. Рассматриваются различные формы здравиц, начиная со времен нартского эпоса по наше время. Показана культура общения за пиршественным столом. Подчеркнуто, что апсуара и адыгство формировали стиль мышления и поведения людей Западного Кавказа.

Ключевые слова: адыгство, апсуара, здравица, хох, рыцарское слово, красота, слово старшего.

T.I. Afasizhev,

Doctor of Sociology, Professor of Adyghe State University, E-mail: afasizhev@list.ru

M.A. Shenkao,

Doctor of Philosophy, Professor of Karachaevo-Circassian State Academy of Technology, ph. 8-928-926-06-48, E-mail: leo1239@yandex.ru

Sociocultural imperatives of Adyghe- Abkhazian and Abasin table etiquette

Abstract. The paper examines various forms of toasts from the time of Nart epos until present days. Culture of a dialogue at the banquet table is shown. It is emphasized that a moral code of ethics of the Abkhasian people and the Adyghe etiquette formed a style of thinking and behavior of the people of the Western Caucasus.

Keywords: Adyghe etiquette, Apsuara (a moral code of ethics of the Abkhasian people), a toast, a knightly word, beauty, a word of the senior.

По данной проблеме не так уж много исследований, но для понимания сути народа, его идеалов, понимания им красоты, морали, всей глубины мировоззрения народа необходимы исследования здравиц, благопожеланий.

Вообще разговорить (дать высказаться) простому народу по таким метафизическим, т.е. запредельным, «неощущаемым», невещественным по-

нятиям, как красота, хлебосольство, честь, божественное, намыс, вечное и преходящее, чистота, девичество, согласие в доме, в мире и т.д., очень трудно в обычное, «профанное» время.

Как указывает известный кабардинский ученый К.Х. Унажев, «адыгские застолья в целом — это адыгэхабзэ в миниатюре, это адыгская философия, это место, где адыг (черкес) показыва-

ет свой менталитет...Присутствовать за адыгским столом не только интересно, но и чрезвычайно трудно, ибо, по признанию многих авторитетных авторов, адыгский застольный этикет является одним из самых сложных во всем мире. Здесь за каждым человеком закреплено определенное место... Рассаживаются гости, прежде всего, в зависимости от возраста и степени родства с хозяином дома» [1]. По справедливой мысли автора, «самое почётное место застолья отводится тамаде», и, как правило, пища подается в той же последовательности, в какой рассаживаются гости [1].

Отмечают и отечественные ученые А.К. Байбурин, А.Л. Топорков то, что застолья существенно отличаются в разных культурах: «Переносный столик пользовался особым почетом, например, у адыгов, поэтому запрещалось поворачиваться к столу спиной или боком... Даже в тех случаях, когда сотрапезники поднимались, чтобы выпить стоя или приветствовать вошедшего, один из них (самый старший) оставался на месте, отдавая дань уважения столу...» [2]. Во время застолья в иерархическом ряду следует старший за столом. Размещение во время застолья в абхазских и адыго-абазинских культурах связано с наделением различных символических значений: «более почётную и менее почетную, мужскую и женскую, правую и левую. При этом наиболее престижным считалось, как указано выше, место во главе стола, подальше от входа в помещение. Принимающие участие в застолье рассаживались строго по рангу. Наиболее почетные и почтенные люди сидят ближе к хозяину, а менее почетные и молодёжь ближе к двери» [2].

Во время хохов (произнесение тостов, высоких слов в адрес виновников торжества) народ, расслабляясь от трудов праведных, начинает говорить высоким стилем, поэтической речью, вынося наружу самое чистое и высокое в помыслах, т.е. умение мыслить и говорить.

В данной статье мы опираемся на исследования Сакиева А., Кардангуцева З., Налоева З., Инал-Ипа Ш.Д., Би-

гуа С. и др., которые много лет плодотворно работают в области культуры.

«Хъохъу», «Хъуэхъу» (хох — это благопожелание в вербальной форме) — часть традиционной жизни и культуры адыгских и абхазо-абазинских народов. Хохи, как благопожелание, раскрываются только в данном месте и в данное время, т.е. в данный момент. Место и время произнесения хох определяют его направленность, «глубину» и искусство народного красноречия. И оно, как таковое, не всякому давалось.

Исполнителю хохов в своей самоучебе надо было запоминать и удерживать в памяти некоторые клише мыслей, особенные, неповторимые обороты речи, запоминать и говорить свое с учетом того, что было сказано до него, чтобы не повторяться и говорить то, что дозволено, прилично говорить на этом месте, на этом этапе застолья, в этом доме и при этом не опережать события и старших, т.е. не нарушать этикет праздничного стола.

При этом исследователи и наблюдатели кавказских тостов (а тост — внешняя форма хоха) отмечают единодушно, что слова здесь «зажигательны» для сердец. В ходе произнесения хоха словесно затрагиваются такие «струны» души, которые не оставляют равнодушными никого, несмотря ни на возраст, ни на статус, ни на национальность, ни на культуру...

Ещё в XV веке европеец Дж. Интериано говорил, что хохи совершаются здесь, на Северном Кавказе, со всей серьёзностью, как и любое другое дело. Так, он писал, что горские народы, в их числе и вышеназванные, «выпивают и во славу Божию, и во имя святых, и во здравие родичей, и в честь памяти умерших друзей, и в память каких-либо замечательных и важных подвигов, и пьют с большой торжественностью и почтением, словно совершая священнодействие, всегда с обнаженной головой и в знак наивысшего смирения» [3].

Хохи (как исключение в XIX веке, а сейчас часто) произносят женщины. Но хох у адыгов и абхазо-абазинских

народов — «слово мужчины», т.е. твердое, торжественное его слово.

А раз хох — это слово мужчины, то предполагается, что младший по возрасту, и особенно младший по рангу за столом (это ухаживающий за столом, наполняющий чарки, на кабардино-черкесском языке «бжъэкъуэс»), должен слушать хох, слово старшего ради уважения стоя. Также за женщину, за мать детей слушали хох стоя, ради уважения к ней, к материнскому труду.

Считалось, что красиво говоривший говорил от имени Бога, что Бог «тхъэ, анчва», вложил в его уста наивысшие, наиболее благородные слова народа. После хохов люди благодарили говорившего за то, что он высказал то, что у них на душе, на сердце, что не уронил их чести в красноречии.

В наше время все понимают, что хохи — не больше, чем украшение стола, что они — красивая фантазия говорящего, но все, по крайней мере, сидящие за столом, хотят, чтобы все хохи стали явью, опредметились. По крайней мере, все хотят, чтобы любое благопожелание было затостировано, закреплено, клятвенно заверено, т.е. по — адыгски «тхъэ траҀонэу». При этом считалось, что через здравицу явление, вещь или человек освящены, а потому они не подлежат ни порче, ни аварии.

«Хъуэхъу (хъохъу)» — дословно: похвалить, похвальба. Наивысший хох, естественно, от Бога или богов. В эпосе «Нарты» его получил Сосруко за свои деяния во имя народных нартских благ.

Великий старец, герой эпоса Насрен-Жаче, беря слово у тамады, хохом, добрым словом, благословляет Ашамеза, нартского Орфея [4]. Получить благопожелание от героя — это менее важное событие, чем получить хох от богов, ибо он (герой) много повидал, многое сделал, т.е. он почти богородобен.

Хох тамады за столом слушали все молча и стоя. Притом линию поведения за столом, тематику хохов определял первый хох тамады. Его слова — закон для всех сидящих и прислуживающих за столом. Речь тамады должна быть

построена логично, умно, с искрометными шутками, с соблюдением всех приличий и традиций.

Адыги говорят: «гупщыси — псалъэ» — «подумай — потом говори». И потому адыги уважали тех, кто «жабзэ зыҀулъу, шэрыуэу псалъэр» (кто имел красноречие и место, к месту и времени, точно попадая в цель) говорил, даже если он был из простых сотрапезников или даже младших, стоявших у стола над старшими.

Красивое, ласковое слово удивляло, забавляло, давало возможность забываться, освобождало душу и тело человека от груза земных забот «си гум бамҀпэ дэбгъэкҀаи» («снял томление с моей души»).

В системе воспитания адыго-абхазского рыцарского сознания заметную роль играли и слова внушения (суггестии), полученные через наставления в хохах. Человек как бы довершал в хохах своё образование, ему открывались здесь новые истины и просторы бытия. Университеты за столом довершали пирамиду его образованности и цивилизованности. Здесь для него приоткрывалась правда жизни, трансцендентные смыслы бытия человека и понятий; простые обыденные слова получали отточенные формы и смыслы; здесь, в ходе хохов, человек получал когнитивно-понятийное знание с моментами абстрагирования и чувственной рефлексии в форме словообразов.

По мнению воинов-горцев, наставляя человека через хох, в линию его судьбы, в кости, в тело вносились коррективы, т.е. социальное как бы вмешивалось в биологическое.

Так, ещё ребенком, Ашамезу нарты предрекали красивую рыцарскую жизнь: чтобы неслитанное количество лет жизни ему досталось, чтобы в покровителях ему был сам Псатхъ (бог души), чтобы сокрушал он врагов, чтобы он, как всадник, стоил целого войска, его один удар равнялся бы 100 ударам простых, чтобы удивлялись все те, кто его услышит, чтобы был он охранителем села, чтобы урожай проса ломал его амбары и меч его все вре-

мя был острым; а Бог — Псатхъэ не уходил из его комнаты, а Тхагаледж на поле и в низине все время говорил, чтобы жизнь его (Ашамеза) не имела конца, была бы вечной, пусть крепким корнем он послужит нашему нартскому роду [4]. Суровые воины-нарты, немногословные, закрытые для чужих, способны по-своему, как мы видели выше, раскрыться, расслабиться перед чудом природы — перед рождением ребенка. В хохе нет имянаречения ребенка — это как бы дается заранее, сверху, от бога, как само собой разумеющееся, т.е. имя как бы определено ещё до рождения, ребенок как бы рождался с именем, таково свойство эпоса.

Открыть свое ментально-затаенное нарты-воины могут лишь в минуты наивысшего волнения: во время благословения хохом чистого, святого богатыря-ребенка Ашамеза. У нартов красота мира обременена, очерчена суровым воинским бытом. Воинские доблести, умение выживать, побеждать врага силой, ловкостью, смекалкой — все это было и красиво, и истинно в их (своих) и чужих глазах. Если в героическое время в рамках военной демократии нарта красила доблесть в отношениях с чужеземцами, в то же время в отношениях со своими считалось «красивым» (эстетично-этичным) знание и поведение в рамках приличия. Адыги говорят по этому поводу: «КъекIу-къемыкIу зэхэзыщIкIыр цIыхущ»: «Кто различает приличное — неприличное, тот и человек». Эта мысль проводится в хохах наших дней под выражением «зэхэщIыкI иIэу мыпсалъэ».

Красна девица на выданье, красива невеста во всех фольклорных текстах, во всех народных словесных творениях и особенно, наверное, в хохах [5].

Так, в хохах описывается идеал красоты кавказской девушки, молодой невестки, что впервые переступает порог нового дома. Невеста по народным благопожеланиям должна: тихо шептать слова, как овца, как журчание ручья, как звуки при брожении вина или «махъсымэ» (бахъсымэ-напиток), быть как ягненок — мягкогубой, как ку-

рица — заботливой о детях, как хорошая лошадь — известной по природе, происхождению или по статности, как птица щебетала бы. Здесь мы видим, как крестьянская наблюдательность отбирает у каждого из животных какую-то черту, близкую человеку, т.е. что-то мягкое, нежное и очеловеченное. Волосы молодой девушки сравнивают с гривой льва (львицы, она сидит на стуле — голубка, растянется — львица глаза как звезды, тело, как крымский хлопок, щеки, как яблоки красные, груди, как яблоки, брови, как жемчужины или полумесяцы, спина ровная, лицо и шея белые [6].

Во всех этих сравнениях приводятся предметы из зримого мира. Символическое, знаковое мышление приписывает им всем какие-то скрытые качества, известные только людям данного региона.

Так, «аслъэн» (лев) — символ недопустимости, мощи и грозности, голубка — грациозности, звезды — символ чистоты, хлопок — символ мягкости и т.д. Но прекрасное адыги и абазины усматривали не только во внешности, но и в деяниях. Так, молодая невестка по здравнице должна была быть чистоплотной, «не расставаться с веником», хорошо шить, да чтоб то, что она шьёт, не расходилось бы по швам, чтобы она не любила поспать, чтобы вкусно готовила пищу. Особо оговаривается, что она должна быть стройной, не толстой и не худой, особенно красивой считалась девушка, у которой белое лицо, черные волосы и голубые глаза. Вообще, часто выделяют по глазам: «Дахэнагъуэ», т.е. «кареючая, красивая, кареглазая» (есть даже такое женское имя). Кроме этого, считалось красивой «шхъуант нашхъо», т.е. зеленоглазая. Называя невестку «фо» «шъоу» (медом), произносящий хох тут же подчеркивает компоненты женской красоты: брови, как ласточки, волосы до пят... Невестку (нысэ) ценят за послушание гуаще (свекрови). И при этом в хохе просят, «чтоб язык был мягче с хозяйкой».

Уибзэгум фо телъу епсалъэ шъоу бзэгоу гуащэм дэзекеуз, т.е. чтобы на

языке был мед в разговоре со свекровью, говорят адыги. Невестке до разрешения свекра, по адыго — абазинским обычаям, нельзя было говорить с ним. Невесте вменяется также в обязанность придерживаться «адыгэхабзэ», «нарт хабзэ» и жить по «намыс» (морали) — самой высокой героической морали, где долг, гостеприимство, хлебосольство, закон чести выше всего.

Невеста у этих народов ценилась и по тому была ли она самостоятельной, доводила ли любое дело до конца. Так в хохе просят: «ЗыдэкIуа Iуэхум лЫ кIэлъымыкIуэжу», т. е. чтобы мужчины не доделывали её дела [6].

Считалось, что невеста, т.е. нысэ (атаца-по — абазински) должна испытывать страх, стыд и внимательность перед хозяйкой. Страх — это нечто домостроевское, патриархальное, с которым мы сегодня не встречаемся, но, видимо, таким образом молодую нысэ приучали перенимать интересы семьи, всегда переживать за то, чтобы в доме был постоянно неугасимый очаг (символ жизни), чтобы домовитость стала первой привычкой для молодой «атаца», чтобы она постоянно переживала, есть ли в доме горячая пища, здоровы ли дети, есть ли уют и покой для мужа?

В хохах просят том, чтобы «дом невесты был полон гостей», чтобы много людей заходили к молодым.

Было также пожелание, которое произносят перед уходом сами гости, чтобы тот стол, который невеста «поднимает», т.е. соорудит, прокармливал бы всю Кабарду и пища с её стола делала бы всех девушек красавицами («тхьэIухуд»). Таким образом, оценка невесты шла по уровню её кухонного мастерства. Пища как нечто святое, сакральное должна была готовиться молодой, здоровой, красивой внутренне и внешне девушкой.

По здравице считалось красотой, чтобы невестины слова были мягкими, как мёд, чтобы огонь её сердца горел бы в доме для своих детей, чтобы она всегда была бодрая и светлая лицом; чтобы она имела терпение и не повышала голоса; чтобы невеста ничего

плохого «хьэрам» (кошерного) не держала в голове и в душе, чтобы она подерживала традиции и мораль нового рода, куда она пришла вслед за мужем, ибо у горских народов считалось позором быть примакком; чтобы невеста двигалась тихо, бесшумно, а её походка была бы подобна движениям лани грациозной [6].

Благопожеланием также было то, чтобы у молодых было вдоволь богатства, золота, серебра, денег и особенно «золотых детей». У адыгов и абазин о «золотом потомстве» больше говорится, чем о реальном металле. Под «золотыми детьми» понималось воспитанное потомство, которому, по образному выражению абазин, «не жалко и сердце отдать поесть» («упсы йдурфпI»). В «золотых детях» высокие моральные качества вкладывались с рождения через определенную систему воспитания. Так, и сейчас адыгские старики нередко говорят: «У меня 2 сына: один стоит постоянно на моей душе (т.е. во всем противоречит), другой сын идёт всегда навстречу моему сердцу, моим пожеланиям, и я ему отдал бы своё сердце», т.е. «Си псэр, псыр зэзгъэшхын», понимает меня с полуслова. Первого сына зовут «къин», т.е. «упрямец», а второго «спсэ, спсы», т.е. «моя душа». И «золотым ребенком» будет последний, который имеет «хьаль-шэн, адэб» (характер, сдержанность, воспитанность, дисциплину)

В здравицах невесте желали, чтобы в родительском доме она оставила золотой след каблука, и в тот дом, в который она вошла, внесла своими ногами, носками светлый день. Так об этом говорится: «Къызрашами — Лъэдакъэ махуэ къахуцинэ, Къыздашами — Лъапэ махуэ къахуихьахэ. Тхьэм къщIигъэкI!» [6].

Видимо, считались сакральными местами те следы, что оставляла невеста, ибо ее помыслы, как ни у кого и никогда, считались чистыми, ибо любовь двигала её к новому дому, к созданию нового очага. Таким образом, мы видим, как в здравицах раскрывались суровые души наших предков, горцев. Свой идеал красоты у них —

это чистое, нежное, почти воздушное, хрупкое создание природы — невеста, которая на новой стадии жизни, как говорят, любит всех от души, добра желает всем. И чуткие, мудрые души горцев, улавливая трепетную нежность молодой души, через хох её успокаивали, помогали преодолеть волнения, и слова о ней говорили в унисон её сердцу о том, о чем она думала.

В Хохах наших дней говорится и о том, чтобы невеста училась и после замужества, чтобы она в профессии, как в доме, находила прибежище, и что бы она ни задумывала, все это было бы разумным, и чтобы из её рук добро бы сыпалось, и чтобы она славилась нового отца — хозяина (старика), мать мужа.

В Хохах последних лет, конечно, учитываются и изменения, которые произошли за последние годы в обществе: европеизация, свобода воли молодых, но при всем этом остается пожелание молодым держаться за «хабзэ», чтобы обычаи не называли лестью, чтобы естественное право человека не унижалось до прислуги гостей. Видимо, этот хох обращен к девушке из иной культуры [6], чтобы она поняла, что все пожелания всерьез и навсегда и что они должны стать частью ее натуры, характера, они должны войти в кровь и плоть как наказ и основной закон семейной жизни.

И почти всегда во всех здравицах говорящий призывает себе в помощь и в свидетели самую сильную личность вселенского масштаба — Бога. И потому всегда в концовках хохов есть такие выражения, обращенные к Богу: «Тхьэм къыдит» (пусть нам бог даст) или куэдрэ тхьэм уткуигъ-эпсэу (пусть бог даст долгую жизнь) или «Апхуэдэ нысэу къыдэт» (такой невесты дай нам бог).

В Хохах у народа не строго соблюдается, кто есть кто в свидетелях: Тхьэ (Бог) или Аллах. Для народа в дни веселья они тождественны и взаимозаменяемы. Интересно и то, что в годы тоталитаризма в здравицах о Сталине просили Аллаха, чтобы дал великому вождю здоровья, неисчерпаемой жизни длинной [7].

Вот так тоталитарное сознание производит аберрацию, переворачивание ценностей, подмену традиции суррогатом, этого, как видим, не избежали и благопожелания.

Гости и соотечественники из мусульманских стран, приезжая к нам и глядя на наши хохи, нередко удивляются тому, как мы совмещаем часто несовместимые вещи: говорим хох, просим Аллаха о чем-то со стаканом водки или вина в руках. Это похоже на то, о чем писал великий Омар Хайям: В одной руке бокал, Другая — на Коране, И так живем мы под сводом голубым, Полубезбожники и полумусульмане.

Адыго-абазино-абхазские народности не могут принять хох до революции без чарки с «бахъсымэ, ху фадэ», т.е. бузы, просяного напитка, по крепости приближавшегося к пиву. Но сегодня культура питания, пиршества, возлияний (если в этом деле можно говорить о культуре) превзошла все меры. Генетическое будущее своих детей, своих народов через алкоголь мы подвергаем большому, если не смертельному риску.

Возвращаясь к хохам, мы видим, что они бывают разные. Их произносят как ритуал по разным поводам: начало трудов крестьянских, новой луны, новоселья, рождения ребенка, первого плуга весной, первой борозды, первой строки скошенного сена, выхода на весеннее поле, окончания сева [6].

Были хохи, шедшие как бы от богов: от Амыщ (бога скота), где естественно были слова «чтобы, как озеро, было молоко, как колесо, сыр, счет овец был бы неисчислимым, как звезды на небе». Такие понятия, как красота души, щедрость народ хотел бы от имени Бога повернуть к себе и ими оплодотворить свое бытие.

Есть также у горцев священные хохи о пище на столе, о щедрости стола. Их обычно произносят по этикету в конце пира, когда приносят и ставят на стол знаменитую «ныш» — полголовы барана. Это сигнал хозяев о конце застолья, и она обращена к гостям. В конце здравицы в таких случаях го-

ворят: «Чтобы так было 1000 лет!». И это пожелание дается не с пьяной серьёзностью, а вполне искренне: это диктуется мифоэпической, героической нартской натурой горцев. Это остатки рыцарства, щедрость души. Она идёт из традиционной культуры горцев, из прошлых структур ментальности.

Красота в прошлом проявляла себя в дарении, широком жесте. И производивший хох над столом, как бы выражая мнение группы, дарил божественным образом этому дому, очагу, хозяйке и столу 1000 лет.

Здравницы произносили и во имя зятя или сына, когда их соответственно приглашали в дом родителей невесты или когда сына звали обратно в свой дом его родители. Здесь примечательно то, что в хохах нет описания внешности и тела мужчин (это было постыдным для его чести); зато в хохах даются пожелания великих деяний, а также образцового поведения типа: «Фи гъацІэр кІыхъу», т.е. жизнь вам длинная, «Фи намысыр лъагэу», т.е. счастья вам глубокого; «Фи акъылыр хурикъуу», т.е. ума вам вашего хватило бы; «Гухэхъуэр фи куэду», т.е. счастья вам побольше; «Фадэбжьэр зефхъэфу», т.е. чтобы чарки могли поднимать, пить, но не пьянеть, т.е. жить по адыгской поговорке «Ефэ-ефэ умыудафэ», т.е. пей, но не спивайся [6]. «Тхъэм фигъэпсэу», т.е. пусть вам бог даст так пожить. Как мы видим, для мужчины в хохах даны другие ориентиры, другие ценности и другие понятия, определяющие его достоинства.

И сразу же мужчине говорят, что он не должен видеть женских слез, чтобы не расчувствоваться самому. И он сам никогда не должен показывать слёзы [6]. Эту его минутную слабость ему никогда не простят, и слёзы мужчины стоят дороже, чем его кровь. Как мужчине, ему эта слабость не к лицу. Здесь красота мужчины обнаруживается в его стойкости, в твердости духа, в сдержанности и в манерах поведения, близких к аристократическим. Поистине как в арабской пословице: «Ум женщины — в её красоте; красота мужчины — в его уме». Мужчина рода, глава

семьи, произнося здравицу после женитьбы сына, говорит ему, что он своей семьей теперь отдельная единица рода, у него теперь должна быть своя гордость, своя линия поведения, своя красота в поведении: «Уэ си щІалэ, УцІыкІухункІэ — узигуащ, Ин ухъури — узилъэпагъщ, Фыз къапшэри — узиунэкъуэщ» [6].

Стать сородичем отца (унэкъуэщ, унэкъоц) обязывало ко многому, и, главное, приходило социальное признание как Мужчины, несущего ответственность не только за себя, но и за детей, жену, сородичей. Абазины о такой поре возмужания говорят: «Йзаман ахъацара заман йталтІ», т.е. вступил в престижный и трудный мужской возраст, где многое (если не все) ему по плечу.

Особенно многочисленны хохи у абхазов — христиан. Искусство красноречия, благопожелания здесь, на древней земле Апсны, достигает высокой отточенности, аристократизма духа. Абхазы произносят хохи и по радостным и по печальным случаям (по случаю смерти, поминовения). При этом во время похорон хохи (тосты) имеют темы: пить за округу, за соседей, за пропавших без вести, за погибших на войне, за упокой душ; за семью умершего — это завершающий тост.

Во время поминок имеется 18 тем для тостов [8].

Тост — это внешнее проявление хоха. Хох может быть и без тоста и без чарки, особенно если его произносит верующий мусульманин. Хох — это традиция, а тост — лишь форма, навязанная цивилизацией.

Тост для абхаза — важный момент в его жизни, в это время он как бы сдает экзамен на интеллектуальную зрелость перед всем миром. Так народный поэт Абхазии Баграт Шинкуба писал в стихотворении «Тост»:

Поднимаем мы тост для почина,
Звонко чокаясь тонким стеклом,
За мужчин! Настоящий мужчина
Не теряет ума за столом.
Тот не должен к вину прикасаться,
Чья лукава душа и смутна,
И не к чести мужской заплетаться

Начинает язык от вина,
Только пьяница пить не умеет
И не знает он толка в вине,
За столом от вина не умнеет
Тот, кто истину ищет на дне [8].

За столом пьют не ради спортивного интереса — кто кого перепьёт, а ради поднятия настроения, ради веселья души. За столом абхазы строго следят за собой и соседями: соблюдается ли «Апсуара» («абхазство»). Это как и «Адыгыгъэ» («адыгство») — образ жизни, образ мыслей и поведения, т.е. традиционная ментальность, делающая абхазов абхазами, адыгов — адыгами. В Апсуара и Адыгагъэ вошли лучшие аристократические черты поведения и мышления народов. Через них народы показывают меру своей цивилизованности, открытости всему миру. Но через апсуара и адыгство народы защищают и свое национальное лицо, свою индивидуальную неповторимость, не желая раствориться и исчезнуть среди миллионных этносов. Апсуара и адыгство — духовные способы самосохранения народов перед натиском цивилизации европейской.

Умение произносить хох для народов Северного и Западного Кавказа — показатель культуры человека. Малейшие нарушения застольного этикета вызывают у абхазов, адыгов и абазин или неловкость, или бурную реакцию. Здесь много восточного традиционализма. Мы не раз были свидетелями, когда, по мнению представителей этих народов, была нарушена очередность предоставления тамадой слова, разрешения на хох.

Если у горцев Адыгеи, Кабарды и Карачаево-Черкесии в традиции передача слова, разрешение на произнесение здравницы определено заранее старшинством и порядком сидения за столом, то порядок произнесения благопожелания у абхазов, то мнению Инал-Ипа, по степени почетности хохи предоставляются: 1-м — старшему хозяину; 2-м — старшему гостю; 3-м — старшему общины; 4-м — главному гостю; 5-м — дяде по матери и т.д. И всего -23 ранга; а с 25-го тоста идут прочие. [9].

Но всех до единого слушают внимательно. При этом нарушение ранжира, неумение или «слабое ведение стола» может кончиться в лучшем случае вежливым покиданием торжества. В данном случае для традиционного мыслящего абхаза оставаться за одним, «распущенно ведущимся» столом означает оскорбить себя, чего он себе никогда не позволит. Плебейский стол и плебейские речи не для гордого «апсуа акаца», т.е. абхаза.

Таким образом, как мы видели, хох не просто слова к месту и времени, а слова-чувства, слова-понятия, слова-сакральности, организующие и подчиняющие себе людей. В здравицах-хохах конкретизированы и детализированы понятия красоты народа, его моральности, приличия, этикета поведения, правды.

Конечно, никто не может жить и не жил по эталонам хохов — это идеалы. Но все люди на народных сходах, на этих своеобразных университетах духа впитывают лучшие образцы речи, поведения и мышления, а в обыденной повседневной жизни «чистят» себя под идеалы, ценности и нормы хохов. Все стремятся жить лучше, и в этом им помогает равнение хоть в чем-то на эталоны здравиц.

Прав известный адыгский исследователь культуры Заур Налоев, когда говорит, что хохи в конце концов произносились для пожелания, прежде всего, счастья (насып). А уж под счастьем понималось разное: это и богатый урожай, и больше скота, и красивая одежда, и здоровье, и день невесты, и дети, и хороший дом, и предметы обихода, и мир между людьми, и нарушение планов врагов и завистников [10].

Подобное явление наблюдается также и у других народов Северного Кавказа. Таким образом, мы видим, что здравицы многоплановы, всеобъемлющи в своем охвате действительности, и они ждут новых исследований для своего адекватного раскрытия.

Хохи — гимны сердец, и произносящие их лишь в особые, торжественные минуты раскрывают свой богатый внутренний мир, свою ментальность.

Примечания:

1. Унажев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997. С. 139-140.
2. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Л.: Наука, 1991. С. 133, 135-136.
3. Интериано Дж. Быт и страна зихов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в 13-19 веках в известиях европейских авторов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 49.
4. Нартхэр. Налшык: Эльбрус, 1951. С. 246-247.
5. Сакиев А. Здравница // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1948. Т. 4. Адыгэ хуьэхъухэр. Налшык: Эльбрус, 1985. С. 103-104.
6. Адыгэ хуьэхъухэр. Налшык: Эльбрус, 1985. С. 17-56, 96, 79, 103, 104, 113, 115.
7. Сакиев А. Здравница о Сталине // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1948. Т. 4. С. 157-158.
8. Бигуа С. Абхазское виноделие // Эхо Кавказа. 1992. №1. С. 44-51.
9. Инал-Ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми: Алашара, 1984. С. 112.
10. Налз З. Адыгэм и псалгэ дахэ // Адыгэ хуьэхъухэр / собрал К. Зарамук. Налшык, 1985. С. 5-14.

References:

1. Unazhev K.Kh. The phenomenon of the Adyghe (Circassian) culture. Nalchik, 1997. P. 139-140.
2. Bajburin A.K., Toporkov A.L. The origins of etiquette. L.: Nauka, 1991. P. 133, 135-136.
3. Interiano J. The life and the country of the Zigii // The Adyghes, the Balkars and the Karachais in the the European authors' news in the 13-19 centuries. Nalchik: Elbrus, 1974. P. 49.
4. The Narts. Nalchik: Elbrus, 1951. P. 246-247.
5. Sakiev A. A toast // Scientific notes of KNII. Nalchik, 1948. V. 4. Адыгэ хуьэхъухэр. Nalchik: Elbrus, 1985. P. 103-104.
6. Адыгэ хуьэхъухэр. Nalchik: Elbrus, 1985. P. 17-56, 96, 79, 103, 104, 113, 115.
7. Sakiev A. A toast to Stalin // Scientific notes of KNII. Nalchik, 1948. V. 4. P. 157-158.
8. Bigua S. The Abkhazian wine-making // Echo of the Caucasus. 1992. №1. P. 44-51.
9. Inal-Ipa Sh.D. Sketches of the Abkhazian etiquette. Sukhumi: Alashara, 1984. P. 112.
10. Nalo Z. Адыгэм и псалгэ дахэ // Adyge хуьэхъухэр / collected by K. Zaramuk. Nalchik, 1985. P. 5-14.